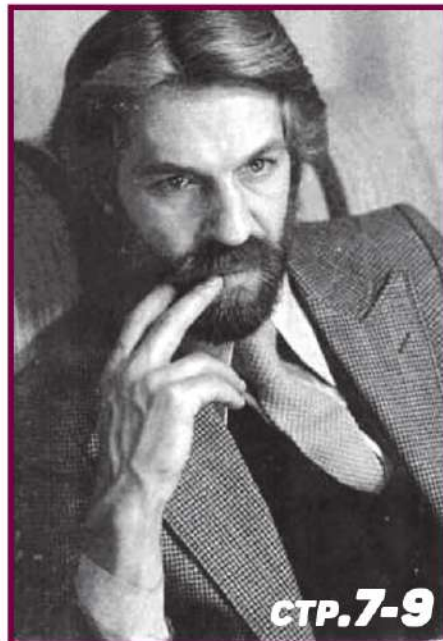

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

**АЛЕКС СИНО:
ДВУКРАТНЫЙ
ЛАУРЕАТ
ПРЕМИИ
«ГРЭММИ»**

СТР.4-6

СТР.7-9

СВЕЖИЙ МУЖЧИНА

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ

№25 (263)
ИЮНЬ 2025

**НОВАЯ
КОМАНДА
И ВСЕ В
ЖЕЛТОМ...**

СТР.16-17

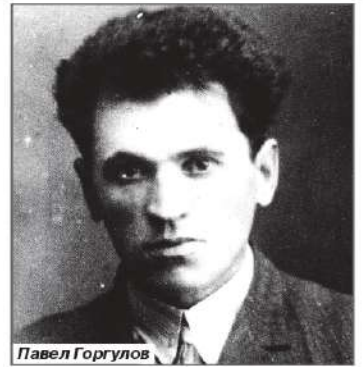
**ГДЕ БЫТЬ ТЕАТРУ, ИЛИ
КАКОВА БУДУЩАЯ
СУДЬБА «THEATER 86»?**

СТР.14-15

Парад белых частей в Ростове-на-Дону

Павел Горгулов

Поль Думер

ОДИЧАВШИЙ СКИФ

Геннадий Норд

6 мая 1932 года пятью выстрелами из револьвера русский белоэмигрант Павел Горгулов смертельно ранил французского президента Поля Думера.

Глава государства скончался менее чем через двое суток. Рассказывают, что незадолго до смерти, придя в себя, он воскликнул:

— За что? Ведь я ничего не сделал!

Самое интересное, что преступник придерживался такой же точки зрения, но это не помешало ему убить почтенного 75-летнего старца — лидера страны, давшей приют многим русским беженцам.

Так что же все-таки двигало кубанским казаком и неудачливым писателем, выступавшим под многозначительным псевдонимом Поля Бреда?

Считается, что Павел Тимофеевич Горгулов появился на свет в кубанской станице Лабинской в семье зажиточного казака. На самом деле ни точное место и дата его рождения, ни подлинные имена его родителей точно неизвестны, поскольку он был подкидышем, усыновленным по специальному разрешению атамана Кубанского казачьего войска.

Окончив Екатеринодарскую военную фельдшерскую школу, Горгулов отправился в армию, затем, во время Первой мировой войны, храбро рубился с врагами, дважды награждался Георгиевскими крестами и, в конце концов, был демобилизован по ранению.

Вернувшись незадолго до революции в

родную Лабинскую, он устроился в станичную больницу фельдшером.

Проводимая большевиками политика «раскачивания» заставила Горгулова сделать свой выбор: он вступил в подпольную антисоветскую организацию.

Однако, начавшийся в январе 1919 года мятеж был подавлен, отец Павла погиб, а сам он бежал в другую станицу — Ярославскую, где примкнул к отряду генерала Ляхова.

Став белогвардейцем, Горгулов участвовал во взятии Армавира и Ставрополя, затем заболел тифом и почти на год выпал из поля зрения своих знакомых.

Вновь на арене истории Горгулов появляется весной 1920 года в Ростове-на-Дону. Здесь он становится студентом медицинского факультета местного университета, вступает в литературный кружок, состоявший из таких же непризнанных гениев, и женится на своей сокурснице Марии Погореловой.

Павел — высокий, крепко сбитый мужчина с густой рыжей шевелюрой и неукротимым темпераментом — производил на женщин сильное впечатление и платил им взаимностью. Даже медицинскую специальность он выбрал соответствующую, решив учиться на гинеколога. И все же его интерес к представительницам прекрасного пола всегда был замешан не только на чувствах, но и на корыстной заинтересованности.

Отец его невесты являлся довольно известным медиком и, успев вовремя эмигрировать, весьма комфортно обосновался в Софии. Теперь, решив покинуть голодную и разрушенную Совдепию, Горгуловы

очень надеялись, что тесть поможет им наладить жизнь за границей.

Тронувшись в путь, Павел, Мария, а также ее младшие братья кое-как добрались до Минска, но здесь выяснилось, что оформить документы на легальный выезд в ближайшее время невозможно, а тайно пересекать границу всем «табором» слишком рискованно.

А Павлу, что называется, «приспичило», и, бросив своих близких, с группой крестьян-повстанцев в сентябре 1921 года он ушел на польскую сторону.

Спустя год жена вместе с братьями и сестрами тоже сумела выбраться за границу. Но Горгулову к тому времени уже не будет до них абсолютно никакого дела.

Из Польши Павел Тимофеевич переехал в Прагу, где благодаря принятой чехословацким правительством программе русские эмигранты могли получить бесплатное образование в одном из тамошних вузов.

В самом начале своего пребывания в чешской столице в витрине одной из парикмахерских Горгулов увидел портрет красавицы Эмилии Нахачиловой, отцу которой, собственно, и принадлежало это заведение. Перед казачьим напором устоять было невозможно, и через пару недель состоялась свадьба, причем, пан Нахачилов пребывал в таком восторге от своего замечательного зятя, что раскошелился на 80 тысяч крон приданого.

Увы, восторги быстро закончились! Став студентом медицинского факультета Карлового университета, Павел Тимофеевич учился спустя рукава, денег в семью не

приносил и постоянно погуливал налево. Более того, он пытался наложить руку на деньги жены, а потерпев неудачу, превратился в откровенного жиголо и начал сожительствовать с престарелыми матронами.

На полученные от них деньги в 1924 году он съездил в тогдашнюю столицу русской эмиграции Берлин, где издал свою повесть «Даль» под псевдонимом Павел Бред.

В конце 1926 года Горгулов получил, наконец, воледеленный университетский диплом, что, казалось, давало ему шанс достигнуть определенного материального благополучия.

Видимо, решив начать жизнь с чистого листа, он развелся с супругой и занялся медицинской практикой сначала в небольшом моравском городке Годонине, а затем в соседнем Простееве.

Дочь бывшего мэра Простеева пана Степкова стала его третьей супругой, но попытка при помощи тестя обзавестись богатой клиентурой закончилась неудачей. Пациенток отпугивали грубость, непредсказуемость и недобросовестность Горгулова. Вместо лекарств он вполне мог подсолить обыкновенную подкрашенную воду, брался за нелегальные аборты и избавление от несуществующих беременностей.

В результате пришлось развестись с супругой, причем, в кои-то веки Павел Тимофеевич оказался в непривычной ему роли рогиносца. Поколотив любовников и забрав у жены 20 тысяч крон, он издал на них два своих очередных опуса — кинороманы «Сын монахини» и «Казачка Соня», которые, как и «Даль», прошли незамеченными. Последней каплей стало лишение Горгулова права ведения медицинской практики. Поводом для этого послужила жалоба одной из пациенток.

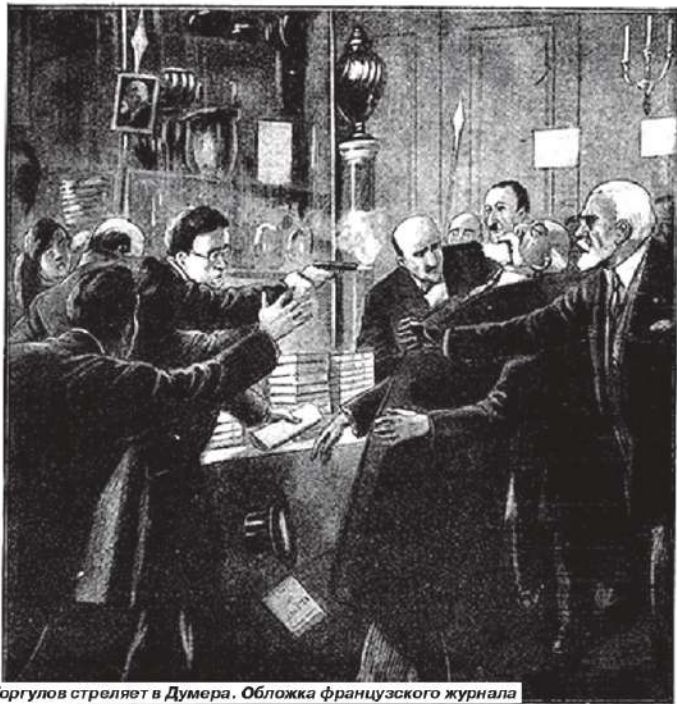
Врачебная карьера рухнула, и тогда Павел решил заняться политикой.

Вернувшись в 1929 году в Прагу, он объявил о создании Крестьянской (Земледельческой) всероссийской народной партии зеленых и даже выпустил брошюру с партийной программой. В ней Горгулов объявлял войну социализму, капитализму и монархизму, противопоставляя им «натурализм», базировавшийся на патриархальных средневековых ценностях.

После победы зеленых в России предполагалось установление жесткого однопартийного режима, возглавляемого диктатором — самим Горгуловым. Ведущей силой общества объявлялись сохранившие свою чистоту и близость к природе крестьяне-земледельцы, причем, обязательно русские и православные.

Прага. 1920-е годы прошлого века

Горгулов стреляет в Думера. Обложка французского журнала
Reconstitution de l'abominable attentat perpétré le 6 mai 1932 contre M. le Président Paul Doumer.

В 1930 году Горгулов переехал во Францию и обосновался в Париже. Он то пытался устраивать какие-то политические акции, то за собственный счет переиздавал свои описи, то собирался вступить в Иностранский легион или уехать в Африку на алмазные прииски.

В четвертый и на этот раз последний он женился на 30-летней швейцарке Анне Генг, вместе с которой переехал в Монако, после того как очередной раз попался на подпольных абортах.

Видимо, именно там, устав от постоянных неурядиц, нереализованных амбиций и несоответствия финансовых средств запросам своей широкой натуры, Горгулов решил, хотя бы и ценой собственной жизни, стать всемирной знаменитостью. Самым простым путем для этого, по его мнению, было убийство другой знаменитости; предпочтительно лидера какой-нибудь крупной державы. И тут его выбор пал на президента Франции, которым в 1931 году стал Поль Думер — профессиональный политик и один из лидеров партии радикалов.

Думер был достаточно известен в мире, обходился, практически, без охраны, да и в географическом плане добраться до него было проще, чем до кого-нибудь другого.

По сути, Горгулов решил пойти по пути Герострата, с той разницей, что для сохранения своего имени в истории решил уничтожить не храм, а человека.

В декабре 1931 года Горгулов отправил послание знаменитому писателю Куприну, в котором содержались слова: «Я одинокий, одичавший скиф...»

В эти дни он уже готовил к печати итоговый сборник своих произведений «Тайна жизни скифов» и автобиографический «Роман казака», которые выйдут под псевдонимом Поля Бреда и станут настоящими супербестселлерами.

С местом будущего преступления Горгулов определился после того, как в одной из газет прочитал о планируемом открытии ежегодной благотворительной книжной выставки, доход от которой писатели-фронтовики направляли своим нуждающимся собратьям. Думер, четверо из пятерых сыновей которого погибли на фронте, обязательно должен был там присутствовать.

5 мая 1932 года Павел Тимофеевич приехал в Париж и остановился в дешевой гостинице на углу улиц Виктора Кузена и Гожас. Для виду он явился туда с проституткой, но уже через пару часов отпустил

ее и остаток ночи провел за созданием рукописи, которая впоследствии будет фигурировать в уголовном деле как «Мемуары Павла Горгулова, убившего президента Французской республики».

На выставке, проходившей в отеле Соломона Ротшильда, улице Беррье, 11, он появился в половине второго пополудни и приобрел две книги с писательскими автографами. Это были «Битва» Клода Фарара и «Подноготная секретных войн» Роберта Букара.

Но вот публика зашевелилась, а организаторы выставки поспешили на улицу. Спустя пару минут, в зале появился Поль Думер в сопровождении министра национальной обороны Пьетри, министра юстиции Поля Рено, писателей Клода Фарара, Андре Моруа, Поля Шака, Ролана Доржелеса.

Остановившись у стелды Фарара, президент протянул руку за «Битвой», и в этот момент, подосевший к нему сзади высокий человек в темных очках и сером пальто, вынул руку из кармана...

Первая пуля поразила президента в горло, вторая прошла на вылет чуть ниже левой подмышки. Еще одна пуля, с криком, ранила в руку Фарара.

Пьетри и Гишар первыми бросились на убийцу. Затем вокруг Горгулова образовалась толпа, которая чуть его не растерзала.

Когда преступника с разбитым носом и фингалом под глазом дотасовали до полицейского участка на улице Бости, он, из-

ловившись, выхватил из кармана знамя своей партии и поцеловал его, воскликнув: — О, моя Родина!

В другом кармане у Горгулова обнаружили запасной пистолет и три пакета сулемы, которыми он, вроде бы, собирался отравиться после покушения.

В полицейском участке на вопрос: — Почему вы стреляли в президента Франции?

Горгулов ответил: — Большевизм разоряет весь мир! Франция, как и вся остальная Европа, снабжает большевиков деньгами и тем самым поддерживает их! Убий президента, я хотел вызвать конфликт между Францией и Советским Союзом!

Звучало это дико, поскольку последней фразой сам же Горгулов возможность возникновения подобного конфликта подсекал под основание.

Тем не менее, советская и французская коммунистическая пресса в своих публикациях много рассуждала о «зверинной сущности» всех белогвардейцев, а также намекала, что политики, подобные господину Думеру, всего лишь поджигают бую, которую сами же и посеяли.

Что касается белоэмигрантов, то они, конечно же, видели в Горгулове либо сумасшедшего, либо чекистского агента.

Для доказательства последней версии на суд вызвали кубанского казака Ивана Астахова. По его словам, еще в марте 1919 года

он лично видел труп настоящего Павла Горгулова, а человек, застреливший президента Франции, является неким Алексеем Золотаревым из станицы Еремеевской. В подтверждение своих слов Астахов заявил, что у Золотарева имеются шрамы на руках. Обвиняемый тут же засучил рукава — на коже никаких следов шрамов не было.

Чтобы окончательно похоронить эту версию, ростовские чекисты навестили в станице Лабинской мать Павла Горгулова и показали ей французскую газету. Едва взглянув на опубликованные в ней фотографии, старушка забилась в истерику: — Он это — Пашка!

Составленный тут же «Акт опознания» был отправлен в Париж и приобщен к делу.

Итак, попытка объявить убийцу Думера советским чекистом, действовавшим под именем, якобы, погибшего в 1919 году Павла Горгулова, окончилась неудачей.

Не повезло и адвокатам, пытавшимся представить своего подзащитного сумасшедшим. Обвиняемый много и охотно твердил о своем учении — натурализме, но явным психом все же не выглядел.

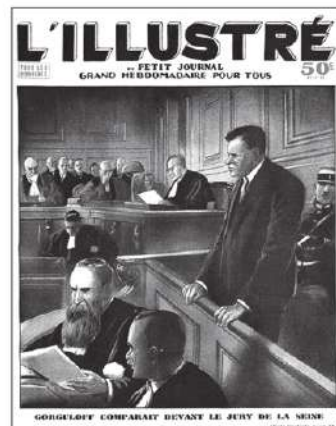
Вынесенный судом приговор — смерть на гильотине — вполне соответствовал тяжести преступления, не вызвав никаких крикливо.

Сам же Павел Тимофеевич считал, что свою программу-минимум он выполнил. О нем писали во всех газетах, а его графоманские произведения переиздавались огромными тиражами. За это, по его мнению, можно было и погибнуть, так что овчина стоила выделки.

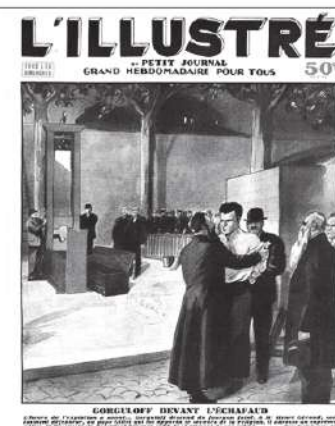
14 сентября 1932 года, всходя на эшафот, Горгулов, наверное, чувствовал себя кем-то вроде нового мессии. Об этом свидетельствует и его предсмертное послание:

«Друзья! Покидая этот мир, я завещаю вам мою философскую и религиозную идею: натурализм, завещанный мне природой. Эта идея приемлема для каждого человека и для каждой нации. Моя идея — всемирна. Живите с моей идеей. Душа моя будет скорбеть до самой моей смерти. Аминь. Апостол Жизни Павел Горгулов».

Горгулов не узнал, что уже через несколько месяцев взвихренная другими более масштабными событиями Европа забудет и его самого, и президента Думера. Неуправляемого и малообразованного кубанского казака затмят геростраты уровня Гитлера и Муссолини. А «одичавшему скифу» в лучшем случае будет отведено место в примечаниях к историческим работам.

Казнь Горгулова. Обложка французского журнала

Казнь Горгулова. Обложка французского журнала